

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.12>

Барахоева Нина Мустафаевна, Костоева Фатима Мухарбековна

СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЧАСТИЙ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена процессу субстантивации в ингушском языке как одному из способов образования существительных. В работе указывается на отсутствие системного описания этого языкового явления в исследуемом языке. Обозначены постоянные и непостоянные субстантиваты, а также рассмотрены лексико-грамматические группы субстантивированных причастий. В зависимости от семантической мотивированности авторами выделены семантические группы субстантивированных причастий в ингушском языке. Исследование раздела фразеологии позволило обнаружить наличие множества субстантиватов-причастий в пословицах и поговорках, где они кроме значения предметности обладают еще и значением процессуальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 9(87). Ч. 1. С. 57-60. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/9-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8.81.1751

Дата поступления рукописи: 04.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.12>

Данная статья посвящена процессу субстантивации в ингушском языке как одному из способов образования существительных. В работе указывается на отсутствие системного описания этого языкового явления в исследуемом языке. Обозначены постоянные и непостоянные субстантиваты, а также рассмотрены лексико-грамматические группы субстантивированных причастий. В зависимости от семантической мотивированности авторами выделены семантические группы субстантивированных причастий в ингушском языке. Исследование раздела фразеологии позволило обнаружить наличие множества субстантиватов-причастий в пословицах и поговорках, где они кроме значения предметности обладают еще и значением процессуальности.

Ключевые слова и фразы: субстантивация; субстантиват; конверсионное образование; ингушский язык; причастие; самостоятельные формы.

Барахоева Нина Мустафаевна, д. филол. н., доцент

Костоева Фатима Мухарбековна, к. филол. н.

*Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Чаха Ахриева, г. Магас
blarahoi@rambler.ru; kostoeva1969@mail.ru*

СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЧАСТИЙ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, субстантивация считается разновидностью конверсионного образования лексических единиц, которое является одним из способов морфолого-синтаксического словообразования.

Проблемой субстантивации занимались такие отечественные лингвисты, как Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, М. В. Панов, А. И. Смирницкий, Е. А. Земская, А. Н. Тихонов и др. Данной проблемой в словообразовательном аспекте занимался В. В. Лопатин, который ввел термин «субстантиват» и дал всесторонний анализ его словообразовательных типов [12].

Субстантивация широко распространена в языках разного типа. Для описания этого феномена в языкознании чаще используются термины «конверсия» [15; 18], «транспозиция» [2; 7; 10], «трансляция» [20], «лексико-семантический или морфолого-синтаксический способ образования новых слов» [8], «переход», «переходность» [1], «нулевая аффиксация» [14], «безаффиксная деривация» и «имплицитная деривация» [11], так как они указывают на факт отсутствия в производном слове материально выраженных словообразовательных аффиксов.

Изучение теоретического материала научной литературы показывает, что в ингушском языке имеется широкий круг вопросов, требующих всестороннего изучения. И одним из них является вопрос о субстантивации причастий в ингушском языке, который не нашел должного всестороннего освещения в специальной литературе. Возможно, объясняется это спецификой работ, рассматривающих причастие в плане изложения общих вопросов грамматики ингушского языка или в связи с рассмотрением отдельных вопросов, не связанных со словообразованием, чем и обусловлена актуальность нашего исследования.

Субстантивироваться в ингушском языке могут в большей степени самостоятельные формы как прилагательных, так и причастий, которые в результате использования их в лично-предметном значении выполняют соответствующую синтаксическую функцию, свойственную для имен существительных, не изменяя при этом своей внешней формы.

Предметом анализа в данной статье выступает особая лексико-грамматическая группа слов в ингушском языке, образованных в результате субстантивации причастий или используемых в исследуемом языке в качестве существительных.

Научная новизна определяется тем, что впервые в ингушской лингвистике рассмотрена субстантивация причастий как одно из звеньев в словообразовательной системе языка. В статье также представлены типы субстантиватов, которые воплощают в себе идею динамического подхода к переходным явлениям языка.

Цель данной статьи – определить место субстантивированных причастий в системе современного ингушского языка.

Для описания этого явления в ингушском языке нами исследованы как научные [6; 19] и лексикографические труды [3; 5; 9; 16], тексты художественной литературы [13; 21], так и устная речь носителей ингушского языка.

Как известно, распределение слов по частям речи не остается неизменным, а рядом с устойчивой принадлежностью большинства слов к определенной части речи наблюдаются переходы отдельных слов из одной части в другую с сохранением графического оформления, при этом теряющих семантические, синтаксические и морфологические особенности слова.

Субстантивируясь, причастия в языке уже не определяют временный признак предмета. Причину переходных процессов В. В. Бабайцева объясняет многоаспектностью единиц языка и речи, отсутствием в языке нужных слов и конструкций для выражения мысли, стремлением к экономии языковых средств, потребностью в дифференциации смысловых связей и отношений и самой структуры языка [1, с. 15].

Особенно распространена в ингушском языке окказиональная субстантивация, причина существования которой объясняется небольшим количеством производительных аффиксов частей речи. Благодаря конверсионному

словообразованию, по моделям которого происходит образование новых лексических единиц, пополняется словарный состав языка.

А. М. Пешковский, разграничивая узуальную и окказиональную субстантивацию, полагает, что нужно исходить из того, что в первом случае переходящее слово «как бы вбирает» в себя существительное и само по себе начинает его заменять [17, с. 150-151]. Таким образом, при узуальной субстантивации возможно, что значение отсутствующего существительного в языке не осознается или оно не восстанавливается, например: *йоахар* – «сплетня» [16, с. 689]; *бакъдоацар* – «неправда» [Там же, с. 375], *дохкар* – «продажа» [9, с. 162], «продающий» [5, с. 274]; *бIаргадайнар* – «зримый» [9, с. 76] и т.д.

Значения данных самостоятельных причастий в ингушском языке суживаются, и в результате узуальной субстантивации причастие приобретает некий семантический компонент с общим значением «предметность».

При окказиональной субстантивации лексическое значение субстантивата легко восстанавливается, опущение существительного индивидуально с опорой на конкретные и совместные знания, а также его значение релевантно в данном контексте.

Если в русском языке, прежде чем субстантивироваться, причастие подвергается адъективации, то в ингушском переход в существительное происходит после того, как на базе зависимых форм сложились самостоятельные формы с помощью: 1) суффикса *-р*: *тIадилла (хIама) + р* (букв. «накладываемое») – «поручение», «заповедь» [Там же, с. 394], *дайна (хIама) + р* (букв. «потерянное») – «потеря» [16, с. 537], *тахка (хIама) + р* (букв. «то, что исследовано») – «исследованное», «исследовавший» [9, с. 375], *лодаь (рузкъа) + р* (букв. «то, что накоплено») – «нажива» [Там же, с. 534], *дIадахар* – «прошедшее» [16, с. 593]; 2) суффиксов *-дар (в, я, б)* и *-даьр (в, я, б)*: *гуш + дар* – «видимое» [Там же, с. 72], *хург + дар* – «будущее» [9, с. 431], *дицденнар* – «забытое» [16, с. 187] и т.д. Эти самостоятельные словоформы, образованные на основе соотношения с определительными словосочетаниями, получают предметное значение.

Как свидетельствует анализ материала, в ингушском языке субстантивации подвержены самостоятельные причастия, классными показателями в которых являются как своеобразный формант, образуемый суффиксом *дар (б, в, й)* и *даьр (в, я, б)*, так и окаменелые согласные *в, д* и гласная *я* в анлауте слова, например: *во Iомаваьр* – «баловник», *во Iомаьяр* – «баловница» [Там же, с. 35]. Также субстантивироваться могут неклассные самостоятельные причастия, образованные с помощью суффикса *-р*, например: *кхоллар* – «плащ-накидка» [3, с. 183], *човнаш хиннар* – «раненый» [16, с. 616], *хазар* (букв. «услышанное») – «слух» [5, с. 698], *лайнар* – «пережитое» [16, с. 473] и т.д.

В ингушском языке встречаются чаще всего следующие субстантиваты:

1) образованные от причастий настоящего времени: *оалар* – «произносимый» [5, с. 532], *доагIар* – «идуший», «едуший» [Там же, с. 262], «заслуженное» (пример и перевод авторов статьи. – Н. Б., Ф. К.), *товр* – «подходящее» [Там же, с. 619] и т.д.;

2) образованные от отрицательных причастий настоящего времени: *доацар* (букв. «отсутствующий») – «небылицы» [16, с. 358], *цаоалар* – «непроизносимое» (пример и перевод авторов статьи. – Н. Б., Ф. К.) и т.д.;

3) образованные от причастий прошедшего времени: *дийцар* – «обговоренный» [10, с. 149], «рассказанный» [5, с. 258], *авннар* – «сказанное» (пример и перевод авторов статьи. – Н. Б., Ф. К.) и т.д.;

4) образованные от отрицательных причастий прошедшего времени: *цахиннараш* – «небылицы» [16, с. 358], *цадийцар* – «необсужденное» [5, с. 258] и т. д.;

5) образованные от причастий будущего времени: *аргдар* – «то, что сказано будет» (здесь и далее примеры и перевод авторов статьи. – Н. Б., Ф. К.), *гIоргьяр* – «та, которая пойдет», *дергдар* – «то, что будет сделано» и т.д.

В зависимости от семантической мотивированности в ингушском языке выделяются несколько лексико-семантических групп субстантиватов, образованных от причастий:

1. Субстантиваты, обозначающие лиц по роду занятости: *цIийоаер* (< *цIи* «огонь», *йоаер* «тот, кто тушит») – «пожарный» [3, с. 470]; *тIооаккхар* (< *тIо* *оаккха* *болхло* – «работник, добывающий камень» > *тIооаккхар* – «добывающий камень») – «каменолом» [6, с. 99]; *тIооаргар* (< *тIо* *оарга* *болхло* – «работник, обрабатывающий камень» > *тIооаргар* – «обрабатывающий камень») – «каменотес» [Там же]; *тховтуллар* (< *тхов* *тулла* *болхло* – «работник, делающий крышу») – «кровельщик» [Там же]; *Киръеттар* – «белильщик» [3, с. 469] и т.д.

Приведенный материал доказывает, что в ингушском языке параллельно с наименованиями описательно-го характера, состоящими из существительных именительного падежа и зависимых причастий, характерными для общелитературного языка, широко бытуют независимые (самостоятельные) формы причастий, образованные с помощью суффикса *-р*, присоединяемого к одноименной зависимой форме, которые, в свою очередь, переходя в разряд существительных, служат для обозначения названий мастеров строительного дела.

Присутствие лексем с такой семантикой определяется социокультурными факторами: необходимостью обозначить номинации членов общества. Такой метаязыковой потенциал связан с развитием общества, появлением новых профессий.

2. Субстантиваты, обозначающие предмет по характерному действию: *хоттар* – «латка» [5, с. 12]; *тIаххоллар* – «то, что накидывается сверху» [Там же]; *лаьцавоаллар* – «заклоченный» (пример и перевод авторов статьи. – Н. Б., Ф. К.), *тIехъависар* – «опоздавший», *котваьннар* – «выигравший» «победитель», *лочкъадаьр* – «краденный», *дешавагIар* – «обучающийся», «школьник, студент», *кIалхарабаьхараш* – «спасенные», *тIехъаудашвар* – «догоняющий» и т.д.

Субстантивированные лексемы данных групп имеют парадигму мужского и женского рода (*mleħbayisap* – «опоздавшая», *mleħavisap* – «опоздавший», *dešavaglar* – «обучающийся», *dešayaglar* – «обучающаяся»), единственного и множественного числа (*mleħavisap* – *mleħabisap-añi*, *dešavaglar* – *dešabağlar-añi*).

В данную группу входят слова не по признаковому значению, а по действию.

Особый тип составляют ситуативные субстантивированные образования, т.е. причастия (в этой же роли могут быть использованы прилагательные, местоимения и числительные), которые субстантивируются лишь в данном контексте:

1) *Солса ше даьчунга хьежжача висав* [13, с. 319]. / *Солсе только и осталось смотреть на сделанное им.*

2) – *Іа яхар дергда аз, – аьнна, жоп деннад Сеска Солса* [Там же]. / *Я исполню желаемое тобой, – сказал Сеска Солса.*

Субстантивированные образования *яхар* «желаемое» и *даьчунга* «сделанное» индивидуальны, носят временный характер, создаются лишь применительно к данной ситуации и в словарях, как правило, не фиксируются.

В повседневной разговорной речи мы используем нейтральные субстантиваты:

1) *КІай кхоллар кхелла... латтаи ба Бешлоам* [Там же, с. 266]. / *Покрытый белым... стоит Казбек.*

2) – *Аз-м хІама мича ях, Кабиха, – аьлар вела а кьежа, Шахбулата. – Со-м раьза ва цу Іа дувцачоа* [21, с. 7]. / *Я-то ничего не говорю, – сказал Шахбулат, улыбнувшись. – Я согласен со сказанным тобой.*

Данные предложения интересны тем, что в них использованы в качестве главных членов узусальные субстантиваты *кхоллар* «накидка» и *дувцачоа* «сказанное», которые свидетельствуют о продуктивности субстантивации как одного из способов конверсивного словообразования в ингушском языке.

В неофициальной ситуации общения обычно коммуниканту не остается времени на поиск слова и при этом легче образуются новые существительные. Именно с этой особенностью разговорного стиля речи и связана окказиональная субстантивация прилагательных, причастий и других частей речи. О таких случаях словообразования Д. А. Громова пишет: «Субстантиваты – изначально окказионализмы. Основной областью их употребления является разговорный стиль» [4, с. 13]. Вероятно, по этой причине наряду с прилагательными в пословицах и поговорках ингушского языка мы имеем множество субстантивированных причастий, которые кроме значения предметности обладают еще и значением процессуальности:

1. *Хьаьша ца везар – Далла ца везар* [13, с. 326]. / *Кто гостя не любит, того Всевышний не любит.*

2. *Дердайначо даьр дийцад, воча тІехьено дай бийцаб.* / *Бездельник прошлыми заслугами хвалился, ничемное потомство хвалилось предками* (пример и перевод авторов статьи. – Н. Б., Ф. К.).

Итак, оторванность от определяемого слова, близость выполняемой функции к характерной для имени существительного функции подлежащего или именной части составного сказуемого в предложениях с именными сказуемыми создает условия для широкого использования таких форм в собственно предметном значении и, таким образом, их перехода в разряд существительных.

Известно, что субстантивации предшествуют другие словообразовательные процессы, особенно в случае, когда у слова сложное, многокомпонентное предметное значение: процесс же словообразования на этапе субстантивации не заканчивается и может продолжиться, к примеру, с помощью дальнейшей суффиксации слова. Данная особенность характерна и для субстантивированных слов исследуемого языка, что свидетельствует о полном включении процесса субстантивации в словообразовательную систему ингушского языка.

Проведенный анализ словарного материала свидетельствует о том, что большое количество продуктивных моделей производных слов ингушского языка построены по принципу языковой транспозиции. В статье учитываются различные типы субстантиватов, отраженные в лексикографических источниках и функционирующие как в текстах художественных произведений, так и в устной речи носителей ингушского языка. Вместе с тем выяснение места и роли переходных явлений в ингушском словообразовании требует еще дальнейшего изучения и обобщения, и в этом направлении в отечественном и зарубежном языкознании проведены достаточно глубокие исследования.

Список источников

1. **Бабайцева В. В.** Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 15 с.
2. **Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. **Барахоева Н. М., Кодзоев Н. Д., Хайров Б. А.** Ингушско-русский и русско-ингушский словарь терминов. Нальчик: Тетраграф, 2016. 599 с.
4. **Громова Д. А.** Субстантивация разных видов языковых единиц. Её возможности и пределы: на материале английского языка: дисс. ... к. филол. н. СПб., 1994. 244 с.
5. **Ингушско-русский словарь (ГІалгІай-эрсий дошлорг)** / А. И. Бекова, У. Б. Дударов и др. Нальчик: Республиканский полиграфический комбинат им. Революции 1905 г., 2009. 982 с.
6. **Костоева Ф. М.** Строительная лексика ингушского языка: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2015. 191 с.
7. **Кубрякова Е. С.** Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 64-76.
8. **Курилович Е.** Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. 455 с.
9. **Куркиев А. С.** ГІалгІай-эрсий дошлорг (Ингушско-русский словарь). Магас: Сердало, 2005. 544 с.
10. **Лингвистический энциклопедический словарь** / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
11. **Лихтман Р. И.** Существует ли безаффиксный способ словообразования? // Вопросы языкознания. 1968. № 2. С. 3-16.
12. **Лопатин В. В.** Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М.: Наука, 1967. С. 69-87.

13. Мальсагов Д. Д. Избранное / сост. А. Мальсагов. Нальчик: Эль-Фа, 1998. 501 с.
14. Марков В. М. Явления нулевой суффиксации в русском языке // Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя: тезисы докладов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 16-17.
15. Мельчук И. А. Конверсия как морфологическое средство // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1973. Т. 32. Вып. 1. С. 15-28.
16. Оздоев И. А. Русско-ингушский словарь. М.: Русский язык, 1980. 832 с.
17. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд-е 7-е. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
18. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. 260 с.
19. Тариева Л. У. Этнолингвистические аспекты изучения структуры отраслевого словаря (на материале лексики швейного дела в ингушском языке): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1995. 23 с.
20. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с фр., вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
21. Чахкиев С. Бертий бийсац. Грозный: Нохчий-Г1алг1ай кн. изд-во, 1973. 7 с.

SUBSTANTIVIZATION OF PARTICIPLES IN THE INGUSH LANGUAGE

Barakhoeva Nina Mustafaevna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kostoeva Fatima Mukharbekovna, Ph. D. in Philology
Ingush Scientific Research Institute of the Humanities named after Chakh Ahriev, Magas
 blarahoi@rambler.ru; kostoeva1969@mail.ru

The article analyzes the process of substantivization in the Ingush language as one of the means to form nouns. Actually, there is no systemic description of this linguistic phenomenon in the analyzed language. The paper differentiates permanent and nonpermanent substantivates, examines lexico-semantic groups of substantivized participles. Semantic groups of substantivized Ingush participles are identified depending on semantic motivation. Applying to phraseology the authors discover a great number of substantivized participles in proverbs and sayings where they have the meanings of both objectification and procedurality.

Key words and phrases: substantivization; substantivate; conversational formation; Ingush language; participle; autonomous forms.

УДК 811.221.18

Дата поступления рукописи: 23.05.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-9-1.13>

Настоящее исследование посвящено явлению вербального табуирования в осетинском языке, которое оставило яркий след в названиях представителей животного мира. В работе преследовалась цель показать, что развитый в прошлом культ животных во всех его проявлениях в быту и хозяйственной жизни осетин нашёл отражение в их верованиях и традициях и способствовал возникновению множества языковых табу. Значимость выбранной темы обосновывается тем, что в осетинском языке до сих пор полно не выявлены ситуации, которые формируют тип эвфемистического выражения в соответствии с его нормами. В статье приводятся сведения из разных источников, подтверждающие специфичность восприятия мира осетинами, а также выражения, имеющие эвфемистический характер, обосновываются условия их употребления. Особое внимание уделяется примерам из специального секретного языка осетинских охотников.

Ключевые слова и фразы: осетинский язык; языковое табу; эвфемизм; обычай; животный мир; духовная культура.

Бутаева Мадина Батрадовна

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук
 takku08@mail.ru

О ВЕРБАЛЬНОМ ТАБУИРОВАНИИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНОГО МИРА)

Данная статья является частью исследования, посвященного анализу табуированных слов в осетинском языке. Цель статьи – продемонстрировать явление вербального табуирования в осетинском языке на примере названий животного мира. Для достижения поставленной цели был привлечен богатый языковой материал, помогающий сделать правильные выводы по анализируемой проблеме.

Актуальность исследования обусловлена раскрытием природы вербального табуирования и некоторых значимых моментов в истории осетинского языка. Новизна исследования состоит в попытке раскрытия темы, которая до этого момента практически не затрагивалась в осетинском языкознании.

Исследование речевых запретов ведется не один десяток лет, но, к сожалению, проблема еще далека от окончательного решения: время от времени выдвигались такие теории, которые не только не дополняли друг друга, но порою были и взаимоисключающими, причём и в основополагающих работах по этой теме много неясного, спорного, противоречивого.